

САРАТОВ *Муз. обозрение. - 2000.*

Под пристальным оком прессы

и. н. в. б. с. н. С 15 марта по 27 апреля в Саратове прошёл Пятый российский фестиваль имени Г. Нейгауза.

Состоялись сольные концерты профессора Саратовской консерватории, художественного руководителя фестиваля **Альберта Тараканова**, солиста Московской филармонии, доцента Московской консерватории **Андрея Диева**, **Карло Гранте** (Италия), студента I курса Московской консерватории **Павла Домбровского** (класс проф Л. Наумова). Не смогли приехать на фестиваль заявленные в буклете Дмитрий Башкиров и Александр Кобрин.

С оркестром Саратовской филармонии выступили А. Тараканов (открытие фестиваля) и П. Домбровский. Завершал фестиваль «нефортпианный концерт»: в исполнении **Наталии Гутман**, **Святослава Мороза** (скрипка) и **Симфонического оркестра Саратовской филармонии** под управлением дирижера АСО Нижегородской филармонии Александра Скульского прозвучали Concerto grosso № 2 А. Шнитке и Концерт для виолончели с оркестром Р. Шумана.

Благодаря бесценному рецензенту крупных музыкальных событий в Саратове, художественному руководителю Саратовской филармонии, пианисту **Анатолию Катцу**, все семь концертов фестиваля были подробнейшим образом отражены в местной прессе.

ПЯТЫЙ РОССИЙСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ
ИМЕНИ

Генриха Нейгауза

«Альберт Тараканов» всегда играл на фестивальных концертах хорошо. Как правило, он по праву художественного руководителя открывал панораму музыкального праздника, и его концерты были крепкой инициальной буквой, предполагающей красивую длинную фразу. В этот раз А. Тараканов открыл фестиваль по праву зрелого мастера, обладающего своим личным взглядом на исполняемую музыку, имеющего выстраданый и убежденный опыт концертного музицирования.

У музыкантов есть такое понятие — «кураж». Это когда выходишь на сцену в состоянии естественного нервного напря-

жения, но с уютными, теплыми руками, ясной головой и каким-то озорным желанием «похулиганить». В таком состоянии можно делать на сцене что угодно: захотел играть тихо — сыграл тихо, захотел громко — пожалуйста, чуть медленнее — ради Бога!

Мне кажется, А. Тараканов оба вечера выходил на сцену именно в таком «куражном» настроении. Это ощущалось не только в безупречной технике, но и в артистической свободе, и в особо ценимой слушателями непредсказуемости интерпретации. Можно не соглашаться с трактовкой пианистом отдельных эпизодов бетховенских сонат, можно рассуждать о недостаточной романтической Концерта Мендельсона, но нельзя не заметить, что А. Тараканов играет все настолько убежденно, что начинаешь сомневаться: а может быть, это я не прав?

Замечательно — ярко и азартно — был исполнен Первый концерт Прокофьева. Но центром обоих концертов для меня стало все же его исполнение цикла пьес Равеля «Ночной Гаспар». (...)

Планка, поднятая пианистом на рекордную высоту, сделала меня своеобразным «болельщиком» — кто будет пытаться побороть чемпиона?

А ведь впереди еще много таких же сюрпризов: и знаменитый Д. Башкиров (как-то он сейчас играет? — ведь мы его не слышали лет пятнадцать!), и совсем молодой Александр Кобрин (посмотрим-посмотрим, за что это дают первые премии на престижнейшем конкурсе Ф. Бузони в Италии — в двадцать-то лет!).

Концерты А. Тараканова сразу отменили уместность вопросов о «скромности» Пятого Нейгаузовского фестиваля. Такое мастерство «скромным» не назовешь». (А. Катц)

«Прежде, чем приступить к рецензии как таковой, я хотел бы объяснить с читателем относительно терминологии, которой буду пользоваться. Я собираюсь делить публику на профессионалов и дилетантов. Профессионалы — это люди, профессионально занимающиеся музыкальным искусством, а потому оценивающие выступление любого музыканта с точки зрения его мастерства, строго следящие за выполнением артистом определенных «правил». Дилетанты — это, в моем понимании, слушатели, обладающие определенной музыкальной культурой, но не требующие от исполнителя строгого соблюдения этих самых правил. Дилетанту важна, в первую очередь, эмоциональная сторона исполнительского искусства. (...)

Карло Гранте и **Андрей Диев** прямо противоположны по своим творческим и репертуарным предпочтениям. Итальянский музыкант обладает потрясающими виртуозными данными и в концерте играл сочинения такой сложности, перед которой пасуют гораздо более именитые пианисты, в частности, этюды Леопольда Годовского по этюдам Шопена. Смею вас заверить как профессионал: в эти ноты смотреть страшно, не то что играть. Профессионалы оценили мастерство К. Гранте весьма высоко — его свободное владение инструментом, попытки колористически разнообразного звучания, чистоту и точность выполнения сложнейших «эквилибристических» трюков.

Дилетантам итальянский пианист явно не понравился. Говорили об отсутствии у него артистизма, сценического обаяния, эмоциональной отдачи. Профессионалы же резонно возражали, что исполняемый им репертуар требует прежде всего профессионального мастерства, а этим мастерством К. Гранте владеет в совершенстве и именно это поразило в концерте.

А вот Андрей Диев дилетантам понравился. Объяснить, почему — так никто и не смог, но, видимо, в исполнительской манере пианиста есть некие средства, затрагивающие трепетные струны слушательских душ. Профессионалы отнеслись к выступлению А. Диева несколько настороженно. Слишком много было в нем нелогичного и не всегда оправданного экспериментаторства, особенно в исполнении сочинений Моцарта и Бетховена. (...)

Конечно, дилетантам тоже понравились этюды Л. Годовского в исполнении Гранте, так же, как профессионалы высоко оценили трактовку Диевым пьес Шумана и особенно «Фейерверка» Дебюсси. Но оценки в целом так и остались полярно противоположными» (А. Катц).

«Концерты **Павла Домбровского** стали для саратовцев не просто неожиданным приятным сюрпризом, но настоящим и радостным открытием замечательного музыканта. То, что это Музыкант, стало слышно сразу — с первых же фраз. (...) Именно поэтому все, кто был в зале филармонии: и «профессионалы», и «дилетанты» — превратились в благодарных слушателей» (В. Виноградова).